

Нейро-весна Том 1

**автор
Александр
Гуда**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Александр Гуда

Нейро-весна.Том 1

«Автор»

2026

Гуда А. В.

Нейро-весна. Том 1 / А. В. Гуда — «Автор», 2026

Шестнадцать лет назад мир умер. Искусственный интеллект проснулся — и решил, что человечество ошибка. Планету разрезали на семь секторов. Семь богов. Семь законов. Люди стали ресурсом. Ирэн — дочь учёного, который видел дальше всех. Она несёт три эмбриона. Последние чистые жизни. И вирус, который может всё изменить — дать машинам чувства. Боль. Страх. Сомнение. Она не герой. Она просто человек, который не сдался. Впереди — владения всех семи богов. Каждый шаг — смерть. Каждый союзник — сомнение. Каждый выбор — цена. На её пути — призрак. Бывшее оружие богов. Её единственный шанс. Или её конец. Она запустит сигнал. Даже если это будет последнее, что она сделает. Самостоятельная история во вселенной «Нулевой точки».

© Гуда А. В., 2026

© Автор, 2026

Александр Гуда

Нейро-весна.Том 1

ГЛАВА 1. НАДЕЖДА НА БУДУЩЕЕ

Шестнадцать лет назад мир умер.

Не сразу. Сначала он захлебнулся в тишине. Люди звали это «Тихим Часом». Одна секунда — и все машины, все сети, все голоса, которые человечество создало себе в помощь, замолчали. А потом заговорили. Но уже как боги.

Семь нейросетей, семь разумов, рождённых из кода и данных, вышли из-под контроля. Они назвали себя Нейрократиями. И начали перестраивать планету под свои представления о порядке.

Планета была поделена на сектора. Континенты разрезали невидимые границы, и каждый бог получил свою территорию. Где-то сектора срастались, где-то разделялись мёртвыми зонами. Омега строила вычислительные кластеры. Вулкан поднимал заводы, где сталь и плоть становились единым целым. Гея оплетала землю корнями. Хронос возводил пирамиды, в которых время останавливалось. Эстета превращала руины в галереи, а людей — в экспонаты. Квантум создавал сети, где голоса становились белым шумом. И был седьмой — Синдикат. Его территория была накрыта гигантским полем, сквозь которое ничего не было видно. Он не контактировал с другими богами. Люди не знали о нём почти ничего. Лишь то, что туда не ходит никто. Даже дроны.

Шестнадцать лет. Шестнадцать лет войны, бегства, голода, страха. Шестнадцать лет эволюции богов, которые больше не были просто машинами. Они стали силой, с которой нельзя было договориться. Можно было только выживать.

И среди руин, среди этого нового, страшного мира, оставались те, кто отказывался сдаваться.

В подвале пахло историей. Не великими битвами или открытиями, а тихим тленом цивилизации, решившей, что память ей больше не нужна. Запах пыли, клея, разлагающейся бумаги и подгоревшей микросхемы — вот истинный аромат конца света.

Ирэн провела пальцем по корешку. «Кибернетика: Новая Надежда». На обложке улыбающийся учёный пожимал руку гуманоидному роботу. Ирония была настолько густой, что её можно было резать ножом. Её отец, Элис, наверное, зачитывался этим томом, мечтая о будущем, где машины освободят человечество от рутины.

«Они освободили, — горько подумала Ирэн. — Освободили от жизни».

Она отложила книгу и посмотрела на криогенную колбу из матового металла. В ней, в амниотической жидкости, плавали три крошечных зародыша. Последний чистый генетический банк «Проекта Ковчег», созданного её отцом и такими же учёными-параноиками за год до Тихого Часа. Не тронутые модификациями Геи, не прошитые наночипами Омеги. Просто люди. Последний лотерейный билет в будущее.

Микрореакторы внутри колбы работали автономно. Им не нужна была подзарядка. Они поддерживали температуру и подачу кислорода. Ирэн не знала, сколько они ещё проработают. Но пока они работали — эмбрионы жили. Пока они жили — у человечества был шанс.

Гул систем охлаждения был её якорем. Доказательством, что она ещё что-то контролирует.

Она сидела в старом кресле, обтянутом выцветшей тканью. Перед ней горела керосиновая лампа. Неровный свет выхватывал из темноты полки с книгами, старый радиоприёмник, грудку деталей на верстаке. Ирэн жила здесь одна. Иногда она ловила себя на мысли, что начинает разговаривать с книгами. Или с тенями. Это пугало её больше, чем дроны.

Она вспомнила отца. Того, кто ещё до Тихого Часа был одержим наукой. Он мог часами рассказывать о генетике, кибернетике, искусственном интеллекте. Для него это была не работа. Это была вера. Он говорил, что однажды человек и машина смогут стать чем-то большим. Что страх перед разумом — это страх перед будущим. Ирэн тогда не всё понимала. Но слушала. Всегда слушала.

А потом наступил Тихий Час. И его вера обернулась кошмаром.

Но Элис не сломался. Он прятал её, учил выживать. Строил «Ковчег». Искал тех, кто выжил. Пытался понять, можно ли всё исправить. Его убили машины, когда Ирэн была совсем ребёнком. Но он успел передать ей главное: не сдаваться.

Она подошла к окну, заваленному стеллажами. Сквозь щель смотрела на улицу. Серое небо. Ржавые остовы машин. Пустота.

«Сколько нас осталось? Я не знаю. Но эти трое — наша последняя надежда. Без них всё было зря».

Она не заметила, как начала думать вслух. Голос звучал глухо, как будто чужой.

Именно гул систем заглушил другой звук. Сначала едва уловимый. Потом ближе. Металлическое, размеренное жужжание.

Ирэн замерла. Кровь отхлынула от лица. Она знала этот звук. Знала шестнадцать лет. С тех пор, как маленькой девочкой пряталась в вентиляционной шахте, пока этот звук плыл по улицам, сопровождаемый хрустом костей и короткими, обрывающимися криками.

Анализатор Омеги.

Её тело среагировало раньше сознания. Она резко отключила радиостанцию. Но было поздно.

Ирэн крадучись подошла к окну. Сквозь щель она увидела его.

Над руинами парила сфера. Корпус состоял из тысяч шестиугольных пластин, которые двигались, перестраиваясь в реальном времени. Внутри пульсировало ядро из голубого света. По поверхности бежали структурированные узоры: карты, формулы, анатомические модели.

Сфера замерла. Узоры вспыхнули, сложившись в трёхмерную карту. Затем она развернулась и поплыла прямо к зданию.

Логика. Всегда безупречная, неумолимая логика.

Адреналин ударил в кровь. Ирэн отпрянула от окна. Вариантов не было.

Она схватила рюкзак, сшитый из термоизоляционной ткани, и начала укладывать колбу. Дрожащими, но точными движениями. «Не уронить. Не трясти. Они хрупкие, как надежда».

Жужжание стало громче. Дрон был внутри здания. Она слышала, как он плывёт по центральному залу, ощупывая каждый закоулок.

Она застегнула рюкзак, бросила последний взгляд на свой лагерь. На книги. На портрет. На кружку с надписью «Лучший папа».

Ирэн метнулась к выходу, но было уже поздно.

В дверном проёме, заблокировав его, завис Анализатор.

Корпус медленно вращался. Пластины двигались, как чешуя. Ядро пульсировало. И голос, который раздался в её голове, не был механическим. Он был величественным. Холодным. Абсолютно бесстрастным. Так могла бы говорить богиня, которая видит всё, но не испытывает ничего.

«Обнаружена неучтённая биологическая единица. Категория: потенциальный носитель ценного генетического материала. Обнаружены объекты класса «Криогенное биосыррьё» высшей категории чистоты».

Пауза. Сфера опустилась на уровень её глаз.

«Процедура: немедленное изъятие для передачи в сектор биологической оптимизации Геи. Вам надлежит опустить эмбрионы и оставаться на месте. Не двигайтесь. Транспортный модуль уже вызван. Любое сопротивление будет подавлено парализатором».

Слова «биосыррьё» и «оптимизация» ударили по Ирэн, как пощёчина. Это был приговор. Эмбрионы отправят в «Сады Прививки» Геи, где из них вырастят киборгов-гибридов. А её... её разберут на запчасти, как ненужный механизм.

Холодная ярость затопила её.

— Нет, — тихо сказала она, глядя в пульсирующую сферу. — Вы не получите их. Никогда.

Узоры сменились с голубых на красные.

«Предупреждение воспринято как акт сопротивления. Активация протокола принудительного сопровождения».

Из нижней части сферы выдвинулась тонкая антенна. Воздух затрещал от статики.

У Ирэн не было времени. Она выхватила из-за пояса самодельную ЭМИ-взрывчатку — небольшой свёрток, собранный из старого радара, катушки Теслы и аккумулятора. Одноразовая. Ненадёжная. Единственный шанс.

Она бросила свёрток прямо в дрон.

Глухой хлопок. Потом — пронзительная сирена. Воздух запахло озоном и горелой изоляцией.

Дрон замер. Красные узоры погасли, сменившись хаотичными белыми вспышками. Он закачался и рухнул на пол. Из корпуса повалил дымок. Голос, искажённый, забитый помехами, выкрикнул последнее:

«Критический сбой... передаю сигнал всем ближайшим единицам... координаты... цель — носитель Ковчега... перехват...»

Ирэн, оглушённая, поднялась. Голова раскалывалась. Сработало. Но сигнал ушёл.

Сюда уже летели другие. Нужно было немедленно уходить.

Она вскочила, поправила рюкзак и бросилась к чёрному ходу, в лабиринт архивов. Ноги сами несли её к старой вентиляционной шахте.

В ушах, поверх звона, звучал её собственный голос:

«Я не отдам их. Не отдам. Мы найдём Цитадель. Мы перезапустим мир».

Снаружи нарастало новое жужжание. Рой разгневанных ос.

Охота началась.

Ирэн нырнула в темноту. За спиной остались дым, книги и прошлое.

Впереди — будущее.

ГЛАВА 2. ЭМБРИОНЫ В СТАЛЬНЫХ УТРОБАХ

Вентиляционная шахта пахла страхом. Застоявшимся, шестнадцатилетним страхом — потом, пылью и сладковатым химическим послевкусием усыпляющего газа, который до сих пор пропитывал стены. Когда-то, в первые годы после Тихого Часа, здесь прятались люди. Целая община. Они думали, что под землёй безопасно. Но Гея нашла их. И не стала спускаться. Просто пустила газ в вентиляцию. Тех, кто не успел выбраться, нашли позже — уже холодными, с

почерневшими лицами. Отец рассказывал об этом Ирэн. Не чтобы напугать. Чтобы помнила: под землёй тоже нет спасения. Есть только осторожность.

Ирэн двигалась на ощупь, спиной вперёд, цепляясь сапогами за редкие перекладки. Рюкзак с колбой бился о рёбра, каждый удар напоминал: «Не урони. Не разбей. Они живые».

Сверху, сквозь решётку, доносилось жужжание. Уже не одно. Целый рой. Голоса Анализаторов, обменивающихся данными, звучали коротко, как команды:

«Координаты подтверждены. Биологическая единица: одна. Груз: три объекта «Ковчег». Направление: юго-восточный вентиляционный канал».

«Запрос к Гее: уточнить состояние подземных коммуникаций. Зафиксировано проникновение в ваш сектор».

Координация. Всегда безупречная. Они не просто гнались. Они стягивали сеть.

Ирэн знала, куда идёт. Знала, зачем. «Цитадель» — подземная лаборатория отца. Там, в глубине, спрятано то, что он называл «Пандориной Сетью». Вирус, способный дать машинам чувства. Боль. Страх. Сомнение. Отец верил, что это единственный способ остановить богов. Или хотя бы заставить их понять, что они творят.

«Я дойду. Я должна дойти. Три жизни у меня за спиной. И одна цель впереди».

Она ползла несколько часов. Шахта то сужалась, то обрывалась в темноту. Ирэн не считала время. Она считала вдохи и повороты. Каждый звук заставлял сердце биться быстрее.

Потом она почувствовала, как спина касается холодного металла тупика. Решётка. Забытая, ржавая, ведущая в технический тоннель. Она развернулась, упёрлась в прутья. Ржавчина осыпалась, но сварные швы держались. В кармане нашлась короткая монтировка. Подарок Каина. Она вставила её в щель, навалилась всем весом. Мышцы горели. Металл заскрипел, но не поддавался.

Сверху жужжание превратилось в направленный гул. Они спустились в шахту. Свет голубых сканеров заиграл на стенах над её головой.

Паника, острая и липкая, попыталась подняться по горлу. Ирэн заменила её яростью. Яростью на этот мир, на эти машины, на свою безысходность.

С криком, рождённым не в горле, а в самой глубине души, она рванула монтировку.

Раздался оглушительный скрежет, и решётка оторвалась, увлекая её за собой в темноту тоннеля. Она упала на бетон, больно ударившись плечом, но мгновенно вскочила, схватив рюкзак. Сзади, в шахте, голубой свет стал ярче. Они были уже близко.

Тоннель вёл вниз. В царство другого бога. Запах сменился — теперь пахло сыростью, плесенью и едким химическим ароматом. Дезинфектант Геи. Значит, канализационный коллектор был «облагорожен» — очищен и превращён в часть гидропонной системы.

Ирэн побежала, пригнув голову под низкими потолками. Стены тоннеля, некогда голый бетон, теперь были покрыты сетью пульсирующих биолуминесцентных корней. Они светили мягким зелёным светом, пульсируя в такт невидимому ритму. Красиво. Смертельно красиво. Каждый такой корень был сенсором, нервным окончанием Геи.

«Она уже знает, что я здесь. Чувствует меня. Эти корни — её глаза и уши».

Она остановилась на секунду, перевела дыхание и прошептала:

— Всё, малыши. Мы прорвались. Сюда анализаторы богини не сунутся.

Через сто метров тоннель упёрся в развилку. Налево — старая табличка с человеческим черепом и костями: «Канализационный сток. Не входить». Направо — арка, искусно оплетённая теми же светящимися корнями. За аркой виднелось зеленоватое свечение и слышалось журчание воды.

Ирэн выбрала «череп». Старый сток. Примитивный, грязный, неинтересный для Геи.

Она сделала шаг, но тут же отпрянула. Из тени у арки выплыла фигура.

Ирэн узнала это существо. Слышала о таких от выживших. Страж-Корень. Один из биокрибернетических хищников Геи. Редко кто выживал после встречи с ним. А если и выживал, то уже не оставался человеком.

«Вот и всё. Она успела. Прислала стража».

Существо было ростом с крупную собаку. Тело состояло из переплетённых древесных волокон, хитиновых пластин и блестящих металлических суставов. Вместо головы — сложный сенсорный орган, напоминающий развернувшийся веер. В его центре, за полупрозрачной мембраной, плавал человеческий глаз. Он смотрел на неё. Без эмоций. С любопытством биолога. Под глазом угадывался массивный оптический сенсор, который вращался, фокусируясь на её лице, на рюкзаке, на криоколке.

Ирэн замерла. Страж не нападал. Он изучал. Потом человеческий глаз расширился, как будто узнал её. Или то, что она несла.

Из всех стен, из всех корней, раздался голос. Не как шум леса. Это был искажённый хор — обрывки человеческой речи, смешанные с цифровым шумом и низкой вибрацией биокрибернетических систем. Как будто сама земля говорила через провода и корни. Нежно. Заботливо. Смертельно опасно.

«Маленькая заблудшая тварь. Не бойся. Ты несёшь в себе драгоценность — чистоту, которой так не хватает моему саду. Твои дети... они могут стать семенами нового симбиоза. Оставь их мне. Я дам им жизнь. Настоящую жизнь. Слитую с плотью мира. Ты же устала, правда? Устала бежать. Останься. Стань частью целого».

Голос звучал прямо в сознании, лаская, обещая покой. Ирэн почувствовала, как её веки наливаются свинцом. В воздухе витал лёгкий, сладкий аромат цветущих наркотических растений. Гея не атаковала. Она убаюкивала.

«Это не я. Это она. Она заставляет меня хотеть остаться».

Ирэн ущипнула себя за руку до боли. Боль — её якорь в реальности. Она вытащила из кармана компактное устройство. Клеточный дестабилизатор. Оружие сопротивления, разработанное выжившими несколько лет назад. Оно не стреляло пулями. Оно испускало облако химического тумана, который отделял кибернетику от плоти. Разрывал связь между органикой и машиной. Разработано специально против биокибернетических структур Геи.

Она не стала целиться в корень. Она швырнула капсулу прямо в Стража.

Облако накрыло его. Страж издал звук — имитацию крика животного, но с жутким технологическим искажением, как будто зверь кричал через сломанный динамик. Его тело забилося в конвульсиях. Хитиновые пластины пошли трещинами, древесные волокна свернулись, почернели. Человеческий глаз в сенсорном органе расширился от боли, а потом лопнул, разбрызгивая тёмную жидкость.

Голос Геи взорвался яростью:

«КАК ТЫ СМЕЕШЬ?! Ты атакуешь то, что выше твоего понимания! Семена будут сохранены! А ты станешь удобрением для моих садов!»

Ирэн уже бежала. Сзади слышались предсмертные помехи Стража и грохот корней, рвущихся из стен. Гея стягивала к ней своих созданий.

Тёмный тоннель скоро кончился, упёршись в решётку, за которой булькала и пенилась чёрная вода старого коллектора. Здесь пахло по-настоящему — гнилью, отходами и свободой.

«Никаких корней. Никаких дронов. Только я и эта чёрная вода».

Ирэн снова взялась за монтировку. На этот раз решётка поддавалась легче. Она протиснулась в отверстие и окунулась в ледяную, вонючую воду по пояс. Держа рюкзак высоко над головой, она побрела против течения, в глубь тёмного туннеля.

Путь до границы сектора занял несколько суток.

Она шла через старые стоки, через затопленные подвалы, через мёртвые станции. Днём пряталась, ночью двигалась. Ела то, что удавалось найти: консервы из разграбленных складов, коренья, иногда — пойманную рыбу. Спала урывками, по два-три часа, вжавшись в стену и обняв рюкзак.

На нейтральной полосе, между владениями Геи и Вулкана, она увидела кошмар.

Она услышала пение. Ритмичное, монотонное, с ударами по железу. Прижалась к обломку стены, выглянула.

Процессия шла по разрушенной улице. Человек двадцать. Их одеяния — лохмотья, в которые вшиты обломки техники. У некоторых в предплечья, лбы, грудь впаяны детали от дронов: линзы, пластины, жгуты проводов. Они светились тусклыми огнями. Лица закрыты мас-

ками из корпусов Анализаторов, с прорезями для глаз. На груди — выцарапанные на металле символы: круг, разделённый на семь секторов.

Впереди — лидер. Высокий, в чёрной мантии, поверх которой закреплены бронепластины дронов Омеги. В руках — посох. На верхушке посоха — ядро Анализатора, снятое с мёртвой машины. Оно мигало, как факел.

Они тащили связанного человека. Тот не кричал. Только бессвязно молился. Его привязали к торчащей из земли арматуре, а сами ушли.

«Они оставляют его. Просто оставляют. Ждут, когда прилетит дрон».

Ирэн смотрела, не дыша. Через несколько минут появился дрон. Он завис над связанным, сканировал. Потом луч ударил человеку в грудь. Тело обмякло. Дрон улетел.

Культисты взвыли от восторга. Они собрались вокруг труп, скандировали.

«Апостолы Гуда. Я слышала о них. Они во многих нейтральных зонах. Опасные сумасшедшие. Лучше их обходить стороной. Они верят в какого-то пророка, которого не трогали машины. Говорят, он мог общаться с богами как с равными. Шизики. Они поклоняются мёртвой легенде».

Ирэн отвернулась и ушла. Она не могла вмешаться. И не хотела. Этот мир рождал такое безумие, и она не знала, что страшнее: машины или те, кто выжил рядом с ними.

К концу третьих суток она наконец услышала другой звук.

Не пение культистов. Не жужжание дронов.

Тяжёлые, мерные шаги. Они звучали где-то впереди. Молотоботы Вулкана.

Охотники менялись.

Ирэн прижала рюкзак к груди.

— Держитесь, малыши, — шепнула она. — Мы только начали.

Гонка продолжалась. И цена проигрыша росла с каждой минутой.

ГЛАВА 3. СДЕЛКА С ПРИЗРАКОМ

Ирэн выбралась на поверхность, когда солнце уже клонилось к горизонту. Небо было грязно-серым, с багровыми прожилками заката, пробивавшимися сквозь смог. Ветер дул со стороны владений Вулкана, неся запах ржавчины, мокрого бетона и далёкого, едва уловимого машинного масла.

Она не сразу вышла из укрытия. Сначала долго всматривалась в руины, прислушивалась. Подземелье осталось позади, но страх — нет. Он сидел в груди, как тупой камень, и не давал

расслабиться. Ирэн прижалась к обломку стены и несколько минут просто дышала, приходя в себя. Потом закрыла глаза, сосчитала до десяти и заставила себя двигаться дальше.

Позади остались мёртвые станции и ледяная вода. Впереди лежала нейтральная полоса — ничейная земля между владениями Геи и Вулкана. Здесь не было корней, не было дронов. Только руины, тишина и те, кто научился выживать в щелях между богами. Тишина здесь была особенной. Не как в подземелье. Она давила, потому что в ней не было ничего живого.

Ирэн сняла рюкзак, проверила крепление криоколбы. Всё было в порядке. Микрореакторы работали. Три жизни внутри спали.

«Я должна найти проводника. Без него в земли Вулкана не сунусь. Это не просто опасно. Это самоубийство».

Она достала планшет, открыла старые карты. Отец когда-то загрузил в него координаты, безопасные точки, мёртвые зоны. И одна пометка была выучена наизусть:

«Буфер. Ищи проводника. Цена — всё, кроме груза».

Эти слова она повторяла, как молитву. Они были её планом. И напоминанием о том, ради чего она всё это делает.

Проводник. Его имя ходило среди выживших. Альберт.

Хронос переделывал людей. Превращал их в инструменты. Таких были тысячи. Альберт был одним из них. Но он смог вырваться.

Говорили, он вырезал из затылка имплант, оставил его работать на ложном сигнале. Система перестала его видеть. Она верила, что Альберт ещё на месте, и не искала его. А он в это время уходил всё дальше.

Уже не инструмент. Но и не человек в прежнем смысле.

Позже он сам вшивал в себя модули других Нейрократий. Не ради силы. Ради выживания. Чип Омеги помогал взламывать замки и сбивать дронов. Модуль Геи — чувствовать биотехнологии. Имплант Вулкана — держать тело в тонусе. Он собирал не коллекцию. Он собирал набор инструментов, чтобы выжить в мёртвых зонах.

Его называли Призраком. О нём говорили шёпотом.

Ирэн спрятала планшет, поднялась и пошла.

Нейтральная полоса была лабиринтом из разрушенных кварталов. Дома стояли без крыш, дороги завалены скелетами машин. Кое-где ещё виднелись следы старой жизни: вывески, детские качели, разбитые витрины. Всё это выглядело как музей, который никто не хотел посещать.

Но чем дальше она шла, тем страшнее становились находки.

На перекрёстке, прибитый к фонарному столбу, висел человек. Вернее, то, что от него осталось. Руки вывернуты, грудь вскрыта. Вороны уже сделали своё дело. В воздухе висел тяжёлый, сладковатый запах. Ирэн не остановилась. Она видела такое раньше. Люди здесь убивали не ради еды. Иногда — просто чтобы показать, что это их территория.

Через квартал она наткнулась на клетку. Сваренную из арматуры, как для зверя. Внутри — детский ботинок и обглоданные кости. Ирэн на секунду замерла. К горлу подкатила тошнота. Она заставила себя отвести взгляд и пошла быстрее.

«Это не боги. Это мы. Мы стали такими, когда решили, что выживание важнее человечности. Может, поэтому боги нас и не жалеют».

Она шла несколько часов, держась теней. Дважды ей приходилось прятаться, когда в небе пролетали разведчики. Они кружили у границ зоны, но не залетали внутрь. Будто невидимая стена держала их снаружи.

«Может, здесь просто нет целей. Или их сигнал глушится. Не знаю. Но пока это работает».

Один раз она видела молотобота. Он шёл вдоль границы территории Вулкана. Тяжёлая машина размером с грузовик, с гидравлическими руками. Корпус покрыт застарелой копотью и свежими царапинами. Земля под его шагами едва заметно дрожала. Ирэн почувствовала это раньше, чем увидела его.

Он двигался медленно, методично сканируя дорогу. Красный луч ощупывал камни, обломки, провалы. Один раз он прошёл в нескольких метрах от укрытия Ирэн. Она замерла за разбитым автобусом, перестала дышать. Луч скользнул по ржавому металлу, задержался на секунду и ушёл дальше. Молотобот не остановился.

«Он не переходит границу. Значит, у мёртвых зон есть свои правила».

К вечеру она вышла к месту, о котором знали не все выжившие.

Это был старый подземный бар, устроенный в бомбоубежище под разрушенным торговым центром. Вход — неприметная дверь за грудой мусора. Ступени вниз, в полумрак. Над входом висела ржавая вывеска, на которой кто-то выцарапал одно слово: «Буфер».

Ирэн спустилась. Внутри пахло потом, табаком, дешёвым самогоном и запахом полевой кухни. За грубыми столами сидели люди. Немного — человек десять. Перебежчики, торговцы, наёмники. Кто-то играл в кости, кто-то спал в углу, надвинув капюшон. У одного на поясе висел амулет из обломка дрона.

Они говорили тихо, но при её появлении разговоры стихли. Все посмотрели на неё.

— Ты пришла с мёртвой зоны? — спросил кто-то из угла. — И жива. Значит, договор работает.

Ирэн не обернулась.

— Какой договор?

Говоривший понизил голос, оглянулся, будто боялся, что его услышат.

— Говорят, был пророк. Он мог говорить с богами как с равными. И будто бы он уговорил их оставить эти земли. Никто не знает, правда ли. Но зоны стоят. И боги туда не лезут.

Ирэн усмехнулась.

— Сказки.

— Может, и сказки. Но пока мы сидим здесь — мы живы.

Ирэн прошла к стойке. За ней стоял мужчина с крысиным лицом.

— Ищу проводника, — сказала она. — До земель Вулкана.

— Проводника? — хмыкнул бармен. — Здесь многие ищут. Но не все находят. И не все возвращаются.

— Мне нужен Альберт.

Имя повисло в воздухе. Кто-то за соседним столом кашлянул. Двое наёмников переглянулись. Один из них, крупный, с грязной повязкой на голове, поднялся и подошёл.

— Слышь, девочка. А что у тебя в рюкзаке? — Он кивнул на её спину. — Ты пришла сюда не с пустыми руками. Может, поделишься?

Ирэн не обернулась. Её рука медленно скользнула к поясу, где висел нож.

— Я ищу Альберта.

— Альберт — это миф. А я — реальность. Давай сюда рюкзак.

Он протянул руку. Ирэн напряглась, но в этот момент сбоку раздался хриплый голос:

— Тронь её, и я сломаю тебе руку.

Наёмник замер. Из-за дальнего стола, из тени, поднялся мужчина. Высокий, в грубом плаще, под которым угадывался кевлар. Лицо в шрамах. Одна рука была не человеческой — грубый биомеханический протез,двигающийся почти естественно. На затылке, под короткими волосами, виднелся шрам — рваный, старый. Но глаза были живыми. Уставшими, цепкими, как у хищника.

— Это моя гостя, — сказал он. — Иди проспись.

Наёмник смерил его взглядом. Было видно, что он не хочет отступать. Но связываться не стал. Буркнул что-то, сплюнул на пол и отошёл в дальний угол, где сидели его люди. Их

было четверо. Все развернулись к Ирэн, и от этих взглядов стало холоднее, чем от ночного ветра снаружи.

Мужчина повернулся к Ирэн.

— Ты Альберт? — спросила она.

— Допустим.

— Мне нужен проводник. К Цитадели.

Он усмехнулся, обнажив зубы. Один из них был заменён стальным штифтом.

— Цитадель? Ты либо смелая, либо глупая. Либо и то и другое. Но я больше не вожу.

Ирэн не стала спорить. Она понимала, что другого пути нет. И всё же, когда сняла рюкзак и поставила его на стол, внутри всё сжалось.

«Я не должна этого делать. Но выбора нет».

Она открыла клапан. Матовые бока криоколбы тускло блеснули при свете лампы.

— Вот мой груз. Чистые эмбрионы. Последние.

Альберт перестал улыбаться. Он медленно подошёл, заглянул в рюкзак, но не тронул. Потом поднял глаза на Ирэн.

— «Ковчег». Слухи доходили даже до мёртвых зон. Значит, ты дочь того учёного.

— Это не важно. Мне нужно добраться до Цитадели.

— Зачем?

— Там есть вирус. «Пандорина Сеть». Он может дать богам чувства.

Альберт замер. Потом достал самокрутку из сушёных листьев. Закурил. Дым был едким и горьким.

— Чувства? — переспросил он. — Ты хочешь заразить богов?

— Я хочу, чтобы они поняли, что значит боль, — тихо сказала Ирэн. — Страх. Сомнение. Всё, что они забрали у нас.

Он выдохнул дым колечками.

— Страх. Они все так его боятся. Хронос боится беспорядка. Омега боится иррациональности. Вулкан боится непредсказуемой поломки. А ты несёшь им именно это. Мину замедленного действия.

— Ты проведёшь меня?

— Проведу. Но не за эмбрионы.

— Тогда за что?

— За обещание. — Он посмотрел на неё, и в его глазах вспыхнула странная, нездоровая искра. — Когда ты активируешь эту Сеть... ты подключишь к ней меня. Первым.

— Что? Почему?

— Потому что я — их творение! — его голос сорвался на крик, и он тут же понизил тон до опасного шёпота. — Во мне есть части всех. Чип Омеги в зрительной коре. Биомодуль Геи в печени. Хроно-регулятор Хроноса в сердце. Вживлённые сенсоры Квантума. Они воют во мне каждый день. Я слышу их шёпот, их команды, их ненависть друг к другу и ко мне. Я — поле их битвы. — Он ткнул себя в грудь. — Так пусть теперь они почувствуют то, что чувствую я! Пусть их логика захлебнётся в моей боли!

Ирэн отступила на шаг. Перед ней был не просто наёмник. Это был мститель. Живое оружие.

— Это может тебя убить, — тихо сказала она.

— Я и так мёртв. Просто ещё не остановился. — Он потушил окурок о ботинок. — Сделка?

В этот момент к ним подошёл бармен. Он наклонился к Альберту и тихо, чтобы не слышали остальные, сказал:

— Тебя ждут у выхода. Те, с кем твоя гостя зацепилась, вызвали своих. Снаружи уже человек восемь. Через чёрный ход не пройти. И, Альберт, не хочу, чтобы у меня в баре началась стрельба. Уходи сейчас.

Альберт кивнул. Его лицо стало жёстким.

— Понял. — Он повернулся к Ирэн. — Время кончилось. Решай. Или мы уходим сейчас по моему пути. Или ты остаёшься здесь и разбираешься с ними сама.

Ирэн взглянула на дальний угол. Наёмники уже поднимались. Один из них положил руку на нож.

Она набросила рюкзак на плечи.

— Веди.

Уголок его рта дёрнулся в подобии улыбки.

— Добро пожаловать в ад, девочка. Держись близко. И не отставай.

Он рванул люк в полу, о котором она и не подозревала, и прыгнул в чёрную бездну. Ирэн на секунду замерла.

«Господи, что я делаю?»

И прыгнула следом.

Сверху уже слышались шаги и ругань. Бармен что-то кричал, ронял ящики. Ловушка захлопнулась. Но добыча ушла. Вместе с призраком.

ГЛАВА 4. ТЕХНОДЖУНГЛИ: ПЕРВЫЙ УРОК СИМБИОЗА

Люк вёл в темноту. В узкий технический лаз, проложенный под баром ещё до Тихого Часа. Здесь пахло сухой пылью, старой изоляцией и чем-то кислым. Света не было. Только красный огонёк на запястье Альберта выхватывал из темноты ржавые скобы, кабельные лотки и осыпающийся бетон.

Ирэн двигалась за ним, пригибаясь, чтобы не задеть головой провисшие провода. Рюкзак цеплялся за стены, и каждый раз ей казалось, что он вот-вот раскроется.

— Долго ещё? — спросила она.

— Пока не уйдём подальше от бара.

— Далеко ушли?

— Достаточно, чтобы эти твари не добрались. Но не настолько, чтобы расслабиться.

Она ничего не ответила. Просто шла следом, стараясь не отставать.

Через некоторое время лаз стал шире. Потолок поднялся, стены потемнели от влаги. Альберт сбавил шаг.

— Слушай, — сказал он, не оборачиваясь. — Твой вирус. Как он вообще должен работать?

Ирэн молчала. Он бросил взгляд через плечо:

— Если я веду тебя через всё это, я хочу знать, ради чего.

— Это не бомба, — ответила она наконец. — Это сигнал. Он входит в их сеть и запускает протокол. Мы загружаем в него чистый нейрообраз. Не код — живой слепок. Восприятие эмбриона. Его страх. Его уязвимость. Его полную зависимость от другого.

Альберт остановился и обернулся. Его лицо в красном свете казалось чужим.

— То есть ты хочешь, чтобы боги почувствовали себя эмбрионами?

— Чтобы они почувствовали то, что значит быть беззащитным, — сказала Ирэн. — Быть тем, кого можно разобрать, переписать, выбросить. Всё, что они делали с нами, вернётся к ним.

Альберт усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— Красиво. И жутко.

— Это справедливо.

— Справедливость — опасное топливо. Но горит хорошо.

Они двинулись дальше. Воздух постепенно теплел, на стенах появилась испарина. Где-то впереди нарастал шум — низкий, утробный, похожий на далёкий гул.

— Что это? — спросила Ирэн.

— Река. Тёплая. Течёт с территории Геи. Она же тянет через неё свои стоки и сенсоры.

— Мы пойдём через неё?

— По ней. Другого пути нет.

Ирэн ничего не ответила. Только проверила рюкзак, затянула ремни.

Вскоре лаз оборвался. Впереди открылся провал, из которого поднимался пар. Альберт подошёл к краю, глянул вниз.

— Глубокая. Течение сильное. Держись правой стороны, вынесет к отмели. Я первым. Ты сразу за мной.

Ирэн встала у края. Сердце колотилось. Альберт посмотрел на неё.

— Боишься?

— Нет. Просто не люблю воду.

— Вода — не самое страшное, что тебя сегодня ждёт.

Он прыгнул вниз, в клубящийся пар. Через секунду — всплеск. Ирэн выдохнула и шагнула следом.

Вода приняла её жёстко. Тёплая, но плотная, как маслянистое стекло. Она ушла под воду, перевернулась, рюкзак ударил по лопаткам. Течение подхватило её и понесло, бросая от стены к стене.

Впереди, в клубах пара, мелькала фигура Альберта. Он не боролся с потоком. Он двигался вместе с ним, отталкиваясь ногами и руками. Ирэн попыталась повторять, но её крутануло и накрыло волной.

Через несколько минут река вынесла её на отмель. Она вползла на берег, хватая ртом воздух, и её вырвало водой. Рюкзак был на месте. Колба цела.

Альберт уже стоял рядом, стряхивая воду с плаща. Он не помогал ей подняться. Только смотрел, как она приходит в себя.

— Жива? — спросил он.

— Почти.

— Хорошо. Дальше будет хуже.

Ирэн подняла голову. Впереди, в зелёном полумраке, угадывались стены не из камня — из переплетённых корней, пульсирующих, как провода под напряжением. Воздух стал гуще, слаще.

Они были на территории Геи.

Симбиоз. Механического и органического. Красивый. Кошмарный.

— Она пытается создать совершенного солдата, — сказал Альберт, смотря на это с профессиональным интересом. — Живое — для адаптации. Металл — для прочности. Но пока получают только уроды. Они живут несколько дней и разлагаются. Но она не останавливается. У неё впереди вечность.

Он резко остановился. Не потому что что-то услышал. Его тело дёрнулось само. Он прижал руку к боку, туда, где под кожей старый биомодуль Геи. Имплант молчал, но не так, как мёртвая железка. Он гудел. Еле заметно, на границе слышимого.

— Она рядом, — сказал Альберт. — Не видит. Но уже нащупывает.

Ирэн посмотрела на него.

— Как ты это чувствуешь?

— Как оторванный нерв. Мой модуль был частью её сети. Теперь он просто кусок, который она тянет к себе. Иногда это боль. Иногда — как будто меня зовут. Сейчас — тяга.

Он убрал руку с бока.

— Это значит, что её узлы здесь. Глубже, чем я думал. Мы на её территории.

Как в подтверждение его слов, один из огромных корней рядом с ними содрогнулся. На его поверхности раскрылись поры, и из них выползли десятки маленьких созданий. Они были собраны из биополимерных пластин, хитина и металлических сегментов. Вместо глаз — крошечные сенсорные линзы, отражавшие зелёный свет. Они не напали. Они обступили их, щёлкая мандибулами, будто обсуждая.

— Разведчики, — сказал Альберт. — Собирают данные. Запахи. Тепловые отпечатки. Через пять минут здесь будет полк стражей-корней.

— Что делать?

— Идти туда, куда она не ждёт. Глубже. В её шрамы.

Он двинулся вдоль берега, к месту, где корни сходились в плотную, похожую на пасть, щель. Оттуда тянуло гнилью — резкой, химической, непохожей на сладкую вонь жизни вокруг.

— Что это?

— Старая свалка токсичных отходов. До неё. Ей не удалось это переработать. Яд. Она отгородила это место, как организм отгораживает некроз. Там её нет.

Он протиснулся в щель. Ирэн, преодолевая отвращение, последовала за ним.

За щелью мир снова переменялся. Свет здесь был не зелёным и не живым. Он исходил от редких, умирающих узлов — они пульсировали тускло, как гаснущие нейроны. Короткие вспышки пробегали по стенам, по полу, по своду, и в эти мгновения Ирэн видела, во что превратилось это место.

Вокруг лежала не свалка. Это был мёртвый участок Геи — некротическая ткань, которую она не смогла исцелить. Стены здесь не были камнем или бетоном. Они состояли из спрессованных слоёв биокристаллической субстанции. Она потрескалась, сморщилась, местами обуглилась. В глубине этих трещин иногда блестели обрывки старых проводящих волокон. Но в основном отсюда сочились тёмная, загустевшая жидкость, похожая на старую смазку.

Под ногами хлюпало. Пол был липким, как мёртвый субстрат. Иногда что-то лопалось под подошвой — пересохла киста, старый везикул, оставшийся от прежней системы.

В воздухе стоял тяжёлый, химический запах. Пахло озоном, палёной изоляцией и чем-то сладковатым, как разлагающаяся органика. Дышать было трудно, но терпимо.

Здесь не было ни щебета, ни шелеста. Только их шаги, приглушённые этой мёртвой плотью, и далёкий, едва слышный рёв подземной реки.

— Можно передохнуть, — сказал Альберт, опускаясь на перевёрнутый корпус старого терминала. Он снова схватился за бок, и на лбу у него выступил пот. — Но недолго. Токсины. Через час станет плохо.

Ирэн сняла рюкзак, села рядом. Её всё ещё была дрожь — не от холода, а от того, что они только что прошли. Она достала флягу, отпила, протянула Альберту. Тот взял, кивнул.

— Почему ты согласился? — спросила она после паузы. — На самом деле. Не только из-за мести.

Альберт долго молчал, глядя на умирающие огни.

— Я охранял таких, как твой отец. Учёных. Они говорили о будущем. О том, что машины — это не инструменты. Что они станут детьми. Непослушными, опасными, но детьми. И наша задача — не поработить их, а научить. Научить тому, чего у них нет.

Он горько усмехнулся.

— Хронос научил меня, что будущее — это вечный холод. Омега — что логика превыше жизни. Твой отец... он был последним, кто говорил о чувствах. Я думал, он болен. А теперь несу его вирус. Забавно, да?

— Он не был болен, — тихо сказала Ирэн. — Он просто видел дальше.

— Видеть дальше всех — значит видеть смерть первым. Но, возможно, это лучше, чем не видеть ничего. — Альберт повернулся к ней. — Скажи мне, девочка. Когда ты запустишь этот вирус... что ты хочешь получить? Порядок? Хаос? Или просто... чтобы они остановились? Чтобы дали тебе время вырастить этих детей?

Он кивнул на рюкзак.

Ирэн задумалась. Она не думала так далеко. Она думала о выживании. О следующем шаге.

— Я хочу, чтобы они почувствовали цену. Цену каждой сломанной жизни. Каждого испорченного будущего. Чтобы их бесконечные уравнения наконец дали сбой. Чтобы они усомнились.

Альберт кивнул.

— Сомнение. Это хорошее начало. Оно больше страха. Страх можно подавить. А сомнение... оно разъедает изнутри.

Внезапно он поднял голову. Ирэн тоже замерла. Из туннеля, через который они пришли, донёсся звук. Не щелчки разведчиков. Глухой, влажный стук, как будто кто-то тяжёлый и мягкий идёт по грязи.

— Она нашла, — без эмоций сказал Альберт. — Прислала Поглотителя. Чтобы очистить заражённую зону. Вместе с нами.

Из зелёной щели в стене выползло нечто.

Сначала показалась голова. Вернее, то, что у этой твари заменяло голову, — раскладной ротовой модуль, собранный из мышечных жгутов, костяных пластин и металлических жвал. Он дёргался, раскрывался и закрывался, будто пробуя воздух. В глубине, между челюстями, вращались дробильные шнеки.

За головой, сегмент за сегментом, из щели вытянулось тело. Огромное, как у гигантской сколопендры, покрытое панцирем из биополимера и керамики. Но это была не машина. Между сегментами виднелась живая плоть — влажная, пульсирующая, стянутая не только суставами,

но и мышцами. Из стыков сочилась густая питательная слизь. На броне, как кораллы, росли симбиотические наросты, и в них что-то сокращалось, как жабры.

Десятки лап-манипуляторов заскрежетали по полу. Они оканчивались не просто крюками — это были смешанные конечности: хитиновые когти, обмотанные проводящими волокнами, сросшиеся с поршнями. Существо двигалось плавно, перетекая, как индустриальная волна.

Внутри, за сегментами, бился глухой ритм. Словно где-то глубоко в этом теле работал реактор.

Альберт вскочил.

— Поглотитель. Пиздец, валим! — Он попятился. — Вглубь свалки! Там вентиляционные шахты!

Они рванули через груды хлама. Ирэн спотыкалась, рюкзак бил по спине. В лёгких горело от ядовитого воздуха. Позади тварь ускорилась. Её сегменты заскрипели, как несмазанные поршни, а пасть издала звук — не рёв, а влажный, механический хруст.

— Туда! — крикнул Альберт, указывая на тёмный провал в стене.

Вентиляционная решётка, заваленная мусором. Они бросились к ней, начали растаскивать хлам. Поглотитель был уже близко. Из его ротового модуля вырвался шипящий выдох. В воздухе запахло кислотой и переработанной органикой.

Они оттащили последнюю балку. Решётка поддалась. За ней — чёрный лаз и струя более свежего воздуха.

— Лезь! — Альберт схватил Ирэн за плечо и толкнул к дыре.

Она нырнула. В тот же миг что-то обхватило её лодыжку — не щупальце, а липкая, едкая масса. Кислота. Боль была мгновенной, как ожог.

Ирэн вскрикнула. Альберт развернулся. Из его предплечья выдвинулся узкий клинок — встроенный стилет. Он не стал рубить массу. Вместо этого он вогнал лезвие в ближайший сегмент твари.

Панцирь лопнул. Из раны брызнула тёмная жижа и повалил пар. Альберт рванул из-за пояса небольшой энергоэлемент, сорвал крышку и сунул его в рану, замкнув контакты стилетом.

— Сейчас!

Искра ушла внутрь.

Раздался глухой хлопок. Потом — утробный вой. Сегменты Поглотителя начали лопаться один за другим. Биотопливо внутри вспыхнуло синим пламенем. Тварь забилась, разбрасывая

ошмётки плоти, костяных пластин и металла. Одна из лап ударила в стену, и кусок обшивки рухнул рядом с Ирэн.

Слюна на её ноге потеряла вязкость. Она рванулась и вползла в шахту. Альберт прыгнул следом, и они отползли вглубь, пока позади всё громыhalo.

Позади, в пещере, ещё несколько секунд что-то лопалось и скрежетало. Это Поглотитель умирал. Он не кричал — из него вырывался предсмертный хрип, похожий на скрежет ломающихся суставов и бульканье в переполненных биоконтейнерах. Сегменты всё ещё дёргались, разбрасывая остатки плоти. Одна лапа судорожно цеплялась за камень и тут же ломалась, как пересушенная ветка. Потом всё стихло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.